

The background of the cover is a painting. In the foreground, there are dark, bare tree branches with some yellow and orange leaves. In the middle ground, a two-story wooden house with a gabled roof and a chimney is visible. The house has several windows with dark frames and a small balcony. The sky is a mix of yellow and brown tones, suggesting a sunset or sunrise. A large, dark bird is flying in the upper right portion of the sky.

ЛЮДМИЛА БАНЦЕРОВА
МОИ СВЕТОТЕНИ

Людмила Банцера

**Мои светотени.
Книга стихотворений**

«Издательские решения»

Банцерава Л.

Мои светотени. Книга стихотворений / Л. Банцерава —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-597494-5

В новую книгу современного русского поэта Людмилы Банцеровой вошли стихотворения последнего времени. Три космических, архетипических начала держат эту поэзию, как три могучих паруса под ветром держат корабль, как три кита держат необъяснимую поэтическую землю на своих вечных мощных спинах: предельная открытость, исповедальность; жизнь внутри природы; не декларируемая, но светло побеждающая все страдания любовь к Родине.

ISBN 978-5-00-597494-5

© Банцерава Л.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ЧАСТЬ I. И МЕНЯ ВЫ ПОЛЮБИТЕ, ЛЮДИ!	11
«И я молюсь...»	12
«Не зови ты меня...»	13
«Что осталось...»	14
«И меня вы полюбите...»	15
«Кочующие в осени ветра...»	16
«Ведь я всего лишь ветер, брошенный...»	17
«И поезда...»	18
«Каждый вздох ...»	19
«Дольше вечности...»	20
«Может, мне вспомнить о Боге...»	21
«Пусть ты дальше...»	22
«У города моё лицо...»	23
«Мне всё равно...»	24
«И снова веснотравие со мною...»	25
«Московских улочек созвездья...»	26
«Всё приемлю я...»	27
«Неприкаянный город...»	28
«Там, где-то вдали, полустанок...»	29
«Беспечность...»	30
«И двуликое солнце ...»	31
«А я сегодня вновь тебя прощаю...»	32
ПРИРОДА	33
«За непроглядным...»	34
«Мне странно жить...»	35
«Уведи меня шагом прогулочным...»	36
«И хотелось совсем уж без грустного...»	37
«Стоял январь, и было вьюжно...»	38
«Во встречных взорах ...»	39
«Какую б жизнь мне не прожить ...»	40
«Пускай судьба моя одноэтажна...»	41
«Дай, Господи...»	42
«Пускай пребудет Бог со мной...»	43
«И почему так труден путь...»	44
«Давно и так стремительно метёт...»	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Мои светотени Книга стихотворений

Людмила Банцера

Светлой памяти моих родителей посвящаю

Предисловие Елена Николаевна Крюкова

Дизайнер обложки В. И. Фуфачёв

Фотограф Е. В. Банцера

Редактор Е. Н. Крюкова

Иллюстратор Л. В. Банцера

Корректор Е. Н. Крюкова

© Людмила Банцера, 2023

© В. И. Фуфачёв, дизайн обложки, 2023

© Е. В. Банцера, фотографии, 2023

© Л. В. Банцера, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-0059-7494-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

«КАК СВЕТЛЕЕТ ДУША, И СНЕГА ПОДОШЛИ...»

О поэзии Людмилы Банцеровой

Это удивительный поэт.

Три космических, архетипических начала держат эту поэзию, как три могучих паруса под ветром держат корабль, как три кита держат необъяснимую поэтическую землю на своих вечных мощных спинах: предельная открытость, исповедальность; жизнь внутри природы; не декларируемая, но светло побеждающая все страдания любовь к Родине.

И это правда: душа, природа и Родина – воистину три великие опоры русского художника, в какой бы стране он ни жил, по каким бы дорогам ни скитался.

Все мы внутренние скитальцы, странники внутри. И странствуем мы по своей судьбе.

Даже если живём затворниками, не бродим в реальности по трудным дорогам Земли.

Первое впечатление от стихов Людмилы Банцеровой было такое: захлестнуло волной сильнейшей со-эмоции, со-переживания. Так сразу поэт взял и окунул меня – в себя, в свой Мирь, в силу, безусловность и пронзительность своего чувства! Знаете, это дорогого стоит, когда поэт внезапно плачет над стихами другого поэта. Что это? Как это называется в нашем людском море? Уж точно не сентиментальность. Этот настрой на чужую волну, что вдруг становится твоей, родною, близкой, любимой...

Приграничное с чудом состояние.

*Ведь я всего лишь ветер, брошенный
в земных лугах.*

*И плещется луна с горошину в моих руках.
Блуждаю по полям травинкой сорною —
и нет пути конца.*

*Ведь я всего лишь дождь, оторванный
от твоего лица.*

Вот такое – с каждым происходило. И со мной тоже.

Вот они, родство и соборность.

На подобные стихи, полные веры, горечи и любви, способен только истинный ИСКРЕННИЙ художник.

В том, что Людмила Банцера – именно такой художник, сомневаться не приходится.

Всякий художник – открыватель тайны. Тайнописец. Тайнозритель. Мирь – вот он, весь раскрыт перед Духом твоим, перед интенсивной работой его. И в то же самое время (апофатический парадокс!) он весь закрыт. Каждый из нас, пусть через тернии и страдания, открывает Мирь заново. Для себя? Для других? Для своего Времени?

Время всегда трагично. Время всегда необъяснимо. Поэт всё время своей жизни пишет автопортрет, о чём бы он ни писал. Поэзия – одновременно и глас Бога, и голос человеческий. Две величайших тайны в одном горячем, горящем Логосе. Мы пишем стихи, но на самом деле мы объяснить не можем, откуда они берутся, почему звучат и летят, улетают. А надо ли объяснять?

А может, это они – нас – пишут?

Есть только музыка стиха. И музыка твоего плача. И твоего смеха. И твоей безмерной радости. И твоего беспросветного, Вселенского горя.

Людмила Банцорова – поэт ЧУВСТВА, и высоко несёт знамя чувства, и прекрасно понимает, что именно оно и есть искусство.

Да, искусство это чувство. Прерогативу мысли оставим философам и учёным. Мы, художники, напрямую работаем с чувством, с его силой, его внезапностью, его невыносимостью, его жаждой, его бесповоротностью, его – да, Божественностью.

*Я воды принесу – мне б успеть допоздна.
По сугробам иду до большого колодца.
И в округе такая стоит тишина.
И не так уж легко мне на свете живётся.
А я воду ношу, – тяжело под рукой...
Я сражаюсь сама с безутешной печалью.
Как вода тяжела, мне б назваться рекой,
и ветра надо мной моё небо качают.
А я воду ношу – до тепла далеко...
Там дома опустели за долгую зиму.
Надо мной небеса, – не достану рукой.
И в колодце вода отстоялась – незрима.
И проходит мой день, затихает вдали.
А я воду ношу, – вымеряю шагами.
Как светлеет душа, и снега подошли,
и деревня глядит на меня огоньками...*

Кто только не писал стихов о Родине! О русских речках-реченьках, берёзках, лесах, полях, васильках во ржи... Всяк русский человек стремится высказать, выказать любовь свою к родной земле в рифму: от простого песенника и наивного любителя литературы до изящного, словесно-колоритного, порой парадоксального мастера. Родина – земля, что родила тебя, и Мать сыра земля, что вберёт тебя в бездны свои, успокоит, упокоит, унесёт в вечность, к иным временам, к предсказанному Страшному Суду. То, как Людмила Банцорова говорит – нет! как она ПОЁТ! – о Родине – это заслуживает даже не отдельного внимания: благоговения и благословения.

*Я помню, как вдаль уходила дорога.
Мостками светилась, бурлила река.
И церковь за лесом виднелась с порога,
как тихая путница издалика.
И светом таким удивляла природа,
что виделась благодать во всех деревьях.
Хозяйка несла огурцы с огорода,
там солнцем разбужен тенистый овраг.
Всё это земное со мною осталось,
ещё не пропущено в жизни и дня,
чтоб я от всего так легко отказалась,
ведь это моя вековая родня.
Остались, остались мои светотени.
Я, может, ещё на земле поживу.
И чёрным не станет теперь понедельник,
я травы в подмогу себе призову...*

Её душа страстна. Её сердце бьётся горячо, жарко, пламенно. Она прекрасно знает цену тому одиночеству, в сердцевине которого – незримо для других – горит отчаянный, торжествующий огонь. Огонь жизни или огонь смерти – это уже всё равно. Главное, что он горит. Пламя всегда сакрально, свято. И стихия огня всегда связана с мерным, эпическим ходом времён. Людмила чувствует мистику Времени очень остро – именно оно равноценно, равномошно огню, именно на него, наряду с Богом, обращено наше внимание на протяжении всей жизни. Мы живём внутри Времени, а хотели бы жить в вечности. Не дано! И мы веками напролет лечим эту жажду – пылким стихом, горячей песнею, бормотанием колыбельной, ночной – при свече – молитвой...

*Пахнет весной и чужими надеждами.
Срок мой земной, ты продлись, я прошу.
Лютый февраль накрывает одеждами
землю мою. Чем теперь я дышу?
Жизнь мою скучную взяли и продали,
только лишь ветер гудит за спиной.
Пахнет весной. И метели до одури
властвуют временем в связке со мной.
Пахнет весной и скупыми раздорами.
В окнах сияющий свет новизны.
Может, опять мне идти коридорами,
долго идти – до заблудшей весны...
Лютый февраль, я опять в одиночестве.
Ветер скользит по застывшим лесам...
Может, прохожий окликнет по отчеству,
может, узнает меня по глазам...*

Людмила пассионарна. Людмила закрывает глаза – и глядит не на внешний Мирь, часто ослепляющий своими красотами и заслоняющий от нас нечто главное, а вглубь, внутрь, в Мирь внутренний, и он то дышит неизбывной трагедией, непреодолимым мраком, то разворачивается радужным веером. Стихи о любви – проверка поэта на душевную и духовную прочность, равно же и на уникальность, неповторимость лирического высказывания. Откроем ларец этих стихов! Узрим россыпи драгоценных тайн, ведомых лишь одной-единственной живой душе!..

*И снова веснотравие со мною.
И вновь закат над головою рыж.
Я постучусь в твоё окно резное
легко-легко – ты лишь меня услышь.
А ты, возможно, так и не услышишь
и не увидишь на исходе дня,
что солнцезвезд струится тише-тише,
высвечивая давнюю меня.*

Да, мы тайнозрители. Мы входим в святая святых поэта. А самый драгоценный из всех самоцветов художества – верно, да, Живое. Живое сердце. Живая (даже погибшая!) любовь. Живая (пусть даже уходящая, ушедшая!..) жизнь. Живая река за околицей. Живой, ибо ты его любовно обихаживаешь, родной дом. Живой Бог, ибо ты – Ему – молишься.

И я молюсь, и весь мой город слышит.

*Не оттого ли так светло...
И падает метель с небесной крыши,
и застывает, как стекло.
И непрерывно движется природа,
вогнав себя в заветный круг.
И на пороге стонет непогода,
как будто позабывший друг.
Гудят, гудят ночные переулки
в своём нелепом естестве.
Выходят тихо люди на прогулки,
запрятав души в рукаве...*

...Мы идём по земле, не зная того, что ждёт нас за поворотом. Людмила Банцера там, в своей рязанской деревеньке, слышит музыку земли. Музыка родимых рек и озёр. Видит алый занавес заката, медленно закрывающий всякий прожитый день, и плывёт в чистой золотой воде рассвета. Прозревает потрясённо, любящим и восхищённым взором, громадный смоляной колодец русской ночи, полный неистово горящих, особенно осенью и зимой, многоцветных звёзд. Склоняется перед белой, чистой ширью зимы. Ждёт весну, как ждут любви. Ей вняты бездны. Она, следуя заповеди Александра Блока, знает, «где стерегут нас Ад и Рай». И она умеет, может писать и Рай, и Ад, и боль, и праздник, и надежду, и слёзы, и смерть, и любовь.

Ибо лишь пламенной жизнью родного Слова мы преодолеваем трагедию бытия. И дарим людям, себе и Богу её неизречённую, вновь рождённую радость.

*Елена КРЮКОВА,
поэт, прозаик, искусствовед
г. Нижний Новгород*

ЧАСТЬ I. И МЕНЯ ВЫ ПОЛЮБИТЕ, ЛЮДИ!

«И я молюсь...»

И я молюсь,
и весь мой город слышит.
Не оттого ли так светло...
И падает метель с небесной крыши,
и застывает,
как стекло.
И непрерывно движется природа,
вогнав себя в заветный круг.
И на пороге стонет непогода,
как будто позабытый друг.
Гудят,
гудят ночные переулки
в своём нелепом естестве.
Выходят тихо люди на прогулки,
запрятав души в рукаве...

«Что осталось...»

Что осталось:

 угол малый, стол, кровать.

Кажется, что мир углами сдавлен.

Девочка бегущая,

 похожая на мать,

проскользнула в улочку с улыбкой давней.

Если можно было бы сирень не рвать,

в этот тёплый день —

 блуждающую прихоть.

За домами вышла молодёжь гулять,

и тревожит песней вечер тихий.

Те же окна,

 и тоской налиты всклянь.

Тихо поезда стекаются к развилке.

И гуляет ветер молодой,

 стирая грань,

на пороге позабыв свои ботинки...

«И меня вы полюбите...»

И меня вы полюбите,
люди!

Будто радугой обнесена,
изо всех разродится орудий
долговязая девка-весна.

И меня вы полюбите,
птицы!

И с лихвою пробьёт тишина.
Я хотела бы к вам обратиться
со словами —
на все времена...

«Кочующие в осени ветра...»

Кочующие в осени ветра
сегодня холодны и непорочны.
Такая боль сквозит уже с утра
в моих непрошенных стихах сорочьих.

Что мне от этой осени теперь —
просить или надеяться на чудо?
Мне так хотелось вновь и без потерь
пройти по тропам вековой остуды.

Как одинок в лугах речной разлив.
Я снова вижу искренность в долинах.
А сердце осени опять болит,
за то, что мир меняется в картинах.

Что мне от этой осени теперь,
когда дождями светятся дороги,
когда с утра не закрываешь дверь,
ведь радость рядом бродит, легконога...

«Ведь я всего лишь ветер, брошенный...»

Ведь я всего лишь ветер, брошенный
в земных лугах.
И плещется луна с горошину
в моих руках.
Блуждаю по полям травинкой сорною —
и нет пути конца.
Ведь я всего лишь дождь, оторванный
от твоего лица.

«И поезда...»

И поезда,
и Млечный путь —
туда же,
где так стремительна,
так звонка глубина.
Я снова продолжаю путь бродяжий,
и за спиною у меня лишь грусть одна.
И, может быть,
когда по бездорожью
последний дождь прошелестит в ночи,
последняя листва окажется дороже,
чем первые летящие грачи...

«Может, мне вспомнить о Боге...»

Может, мне вспомнить о Боге,
и о сегодняшних днях.
Встретится мне на пороге,
встретится в очередях —
зимнее, беглое солнце...
Ветка затихнет вдали,
и за чердачным оконцем
снова душа заболит.
Светятся тихо лачуги.
Как мне сегодня прожить?
Пусть перебесятся вьюги,
что им снегами крошить?
Может, мне вспомнить о Боге,
тихо живя на земле?
Не заблудиться в дороге,
не заблудиться во мгле...
Вспомню я, Господи, вспомню,
где-то ведь ждёт меня мать,
в доме своём среди комнат,
там, где легко горевать...

«Пусть ты дальше...»

Пусть ты дальше
звезды ветровой,
но живёшь по соседству,
глядя окнами
в маленький двор,
от меня метрах в ста.
Я успела насытиться
стоном поющего сердца,
наглядеться,
наслушаться
ясным полётом листа.
Я ещё не простужена
терпким огнём звездопада.
Сквозь меня —
не разбужена —
снов проплывает река.
Я сиреневой птахой пою
у подножия тленного Града.
Я метелью гляжу
на редёющие берега.

«Мне всё равно...»

Мне всё равно,
 какая боль,
какая смерть меня застанет,
какая светлая любовь
вдруг на ветру сквозном растает.
Какие воды будут плыть
все эти годы —
 по соседству...
Настанет время говорить
и мне —
 во всё земное сердце...

«Московских улочек созвездья...»

*В твоих глазах – века, века...
Эдуард Балаиов*

Московских улочек созвездья,
и лёгкая твоя рука.
Я, может, нынче здесь проездом,
а может быть,
и на века.
И мне ль загадывать желанье?
Дождями по брусчатке бить.
В походке замечать страданье
и так услышанно любить.
Московских улочек созвездья.
В твоих глазах —
века, века...
Слепые ветви у подъезда.
И лёгкая твоя рука...

«Всё приемлю я...»

Всё приемлю я,
 всё приму —
праздность улиц и стон воды.
Вы же знаете,
 никому,
никому не продать беды.
Вы же знаете,
 не скажу,
не скажу о себе —
 была,
лишь над пропастью покружу,
разомкнув,
 распахнув крыла.
Всё приемлю я,
 всё приму,
лишь бы знать,
 как кричит молва.
Я одежды свои сниму,
как под осень полынь-трава...

«Неприкаянный город...»

Неприкаянный город...
Неужели опять
в нерастроченном горе
мне ходить второпях?

Может, встретиться велено
в кругосветной листве?
Шаг узнаю твой медленный
в опустевшей Москве.

В белокаменной свидимся
в заревой листопад.
Дождевою провидицей
уведу наугад...

«Там, где-то вдали, полустанок...»

Там, где-то вдали, полустанок,
оставленный смех поутру,
ромашковый взгляд спозаранок
и светлый платок на ветру.

И ветер шальной мне вдогонку
бездомной собакой бежит,
и где-то вдали островёнком
мерцает щемящая жизнь.

«Беспечность...»

Беспечность.
 Бездорожье.
 Бессердечность...
Ну, вот и всё —
 закончена стезя.
Я жду.
 И, может, в эту бесконечность
уходит жизнь,
 так медленно скользя.
Возможно,
 что и Господу угодно,
чтоб мне прожить в страдающей стране.
Я жду.
 Ещё рука моя свободна,
ещё нетленны губы в полынье...

«И двуликое солнце ...»

И двуликое солнце —
 оно никогда не посмеет
разорвать эту тонкую,
 длинную нить бытия...
Как не просто мне жить и дышать,
 по ночам пламенея,
жать последнюю горькую цветъ.
 Но ведь я
никогда не расстанусь с последними криками памяти...
Где-то там, на окраине,
 будет цвести и цвести.
И в цветенье угарном —
 дыму —
 робко ставни поправите,
и шепнёте беззвучно за старой калиткой:
 «Прости!»...

«А я сегодня вновь тебя прощаю...»

А я сегодня вновь тебя прощаю
за тех, кто в перекрестье праздных дней
взахлёб, вразнос, ликуя, сообщает
мне о тебе, чтоб сделалось больней.

А я сегодня вновь тебя целую,
целую грустно, как в последний раз.
И сквозь зарю, прозрачную, льняную,
за нами наблюдают сотни глаз.

А я сегодня вновь с тобой прощаюсь,
как будто бы на целые века.
Все перекрёстки сердцем ощущаю —
они звучат,
звучат издалека.

ПРИРОДА

Прохожу среди тонких твоих изваяний,
словно лебедь, изломанная до краёв.
Сколько в медленном шаге моём покаяний,
сколько на душу принято смертных боёв!
Ты тихонько меня позови, откровенно
помолись за меня, за пригоршню ада прости...
Осень входит в меня так легко, внутривенно,
будто хочет корнями златыми врасти.
Не беда, рассосётся по костным знаменьям
всё, что было плохого в скитальные дни.
Соберутся по строчке златые камешки,
как нежданные гости у дальней родни.
Всё проверено в жизни, и нет откровений:
только руку невольно свою протяни...
И замолкнет река. И туманом овеяны
чьи-то лица прибрежные – Бог их храни!
Сколько талой воды унеслось, сколько брани...
То ли день, то ли ночь мне хохочет в ответ.
И теснятся в оконцах горшочки герани,
словно время застыло на тысячу лет...

«За непроглядным...»

За непроглядным,
за безлюдным бездорожьем
луной прольётся где-то
жизнь моя.
Из тысяч глаз
мне лишь твои дороже.
Из тысяч перезвонов —
песнь твоя.
И стану я до хрипоты кричать,
до дрожи,
вобрав в себя
все млечные пути.
Как падает звезда неосторожно,
сгорая прямо у меня
в груди!

«Мне странно жить...»

Мне странно жить,
но мне не страшно падать:
любить,
как биться головой об лёд.
Всю странность жизни замечает память
и, как ни страшно,
вовсе не гнетёт.

«Уведи меня шагом прогулочным...»

Уведи меня шагом прогулочным.
Но ведь это меня не спасёт...
По гранёным убористым улочкам,
как по шпалам, уйду я на взлёт.

Как дышать мне в задиристом вечере,
если жизнь для меня так пресна?
Мы давно уж судьбою отмечены.
Что с того, что сегодня весна...

«Стоял январь, и было вьюжно...»

Стоял январь, и было вьюжно...
От круглосуточной зимы
земля печалилась недужно,
как от тюрьмы и от сумы.

И я стояла в тихом свете
ночного стража – фонаря...
Металось сердце на рассвете
и ускользало от меня...

«Во встречных взорах ...»

Во встречных взорах —
вновь моя ненужность.
Вас нет со мной,
весенние друзья.
И я глотаю
горестную вьюжность,
по перелётным улицам
скользя.

«Какую б жизнь мне не прожить ...»

Какую б жизнь мне не прожить —
одну из тысяч, иль немногих.
Гортанный ветер, Расскажи,
как ты встречал меня в дороге.

И по дорогам – Расскажи,
как среди странниц и цыганок,
в метелях сизых ворожил,
людских не слыша перебранок.

Какую б жизнь мне не прожить —
одну из тысяч, иль немногих.
Что мне об этом так тужить,
меня в дороге слышат Боги...

«Пускай судьба моя одноэтажна...»

Пускай судьба моя одноэтажна,
не в этом соткана моя печаль.
Ведь каждый раз черёмуха всё так же
слетает грустно за речной причал.

Пускай меня отбрасывают бесы
от тихости земной – мне б их простить...
По площадям и улицам воскресным
я жизнь свою ещё несу в горсти...

«Дай, Господи...»

Дай, Господи,
 не умереть в надежде
и от тоски вовек не замереть,
встречать и провожать снега, как прежде.
Дай, Господи, —
 весною отболеть!
Сиренью облететь —
 и вдоволь
нагореваться у окна,
натешиться мечтою вдовьей,
мол, не всегда была одна...

«Пускай пребудет Бог со мной...»

Пускай пребудет Бог со мной,
как эта синева.
Мой голос тихий за стеной
не оборвёт слова.

Пускай он будет —
день земной,
отпущенный с небес.
Я не хочу судьбы иной —
стремительный надрез.

И кто бы там ни произнёс —
пустые словеса.
Я распадусь на сотни вёрст,
как ранняя весна...

«И почему так труден путь...»

И почему так труден путь,
совсем не близок...
Людская жизнь без всякой меры —
кратка!
Автомобильного вдали не слыша визга,
проходит юность на высоких каблуках.
И почему так серо нынче в наших душах?
И в мыслях осень —
до последнего листа.
Ты ставни распахни легко и слушай,
слушай,
как птицы разлетаются с далёкого моста...

«Давно и так стремительно метёт...»

Давно и так стремительно метёт...
По затаённой отмели ветвями разбрелись леса.
Очерчен ветром одинокий полустанок.
На этой, на заброшенной земле

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.